

ших, на наш взгляд, определенную роль в вопросе о выборе жанра Софронием: сочинение Кантемира, как мы уже указали, также имело полумемуарный, автобиографический характер. К тому, чтобы начать писать свою автобиографию, Софроний вполне был подготовлен характером изложения Кантемира.⁷¹

При этом обращает на себя внимание следующий любопытный факт: сохраняя большую часть автобиографических отступлений Кантемира, написанных от первого лица, Софроний, подписав предисловие своим именем, как бы переносит их на себя. О том, что это не просто рудимент средневекового отношения переводчика-компилятора к авторству, свидетельствует тот факт, что в отношении книги об иудейской религии Софроний не ступает иначе — в предисловии он указывает имя автора, чей труд он перевел на болгарский язык.⁷²

Обращает на себя внимание, что Софроний не только тщательно убирает имя Кантемира из предисловия, но и устраняет все те реалии, которые могли бы обратить на себя внимание читателя как не соответствующие его жизненной биографии. Так, Софроний не только исключает «Словоприношение» Кантемира (несомненно ничего уже не говорившее современному Софронию болгарскому читателю), но и тщательно отбрасывает все, что касается пребывания Кантемира в России.⁷³ Вот, например, как перерабатывает Софроний текст предисловия Кантемира к книге V, где последний пытается объяснить некоторые недостатки своего изложения отсутствием нужных ему книг в русских библиотеках.

Кантемир

Во правду доброхотно сказую, яко тяжчайше мне належит бремя, и многопреплетенные предлежат трудности, их же ради не могу читателя довлесотворити, а наипаче три суть того вины, от них же первая есть, яко несмь толико искусен в учении, в законах, и в уставах мухамеданских, да о всякой и коеиждо вещи, яже у них сказуются, чтутся и веруются, совершенно возмогу повествовати.

Вторая, яко оная [аще и немногая] яже в юности обучения ради восточных языков, или прочитая, или в непрестанной через 22 лета при Порте Отманской с различных чинов людьми конверсации слышах, и памяти яко мягкому и удобопреклонному воску влелых [ныне уже от толиких лет, иными как публичными, так и приватными делами мне обложуся, и далече от конверсации таковых удалившуся], едва не вся из памяти изыдоша и хотя крепче в поятии начертаны быша, загладишася.

Софроний

Вь правду азь говорю, како е това мене тешкое бремя, и многопреплетенный трудности належит, що не мога азь сега да учиня доволность на четателя нашего желанието, ала най вече мене причина есть това, почто несмь толкова искусень, толкова на учение и на законь и на уставь мохамеданский, да могу да искажа вси вещи совершенно, що са у нихь чете и верува, макар и на младост що седяхь при Порте султанской 22 лета, и прочетох оная языци [арапский и перский и турецкий] и собирахся сас различный чинове людии и видехь и чухь, ала от многога времени повече излязоха из памяти моея, но колико найдохь по книгам их и колико имах на память мою това все да предложу вам. Що е речено... (Пог. 1204, л. 266 об.).

⁷¹ Еще ранее с попыткой ввести автобиографические элементы в повествование Софроний столкнулся в «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского. Последний значительно расширил круг сведений о самом себе, допускаемых средневековой книжностью. К тому моменту, когда Софроний написал свое «Житие», потребность в создании нового жанра в болгарской литературе уже была вполне ощутимой (поп Пунчо, Иосиф Хилендарский и др.). См.: Д. Петканова-Тотева. Дамаскинците, стр. 129, 188—189, 191—196.

⁷² «Приносям на обучение вашему любу мудрый читателю тая книга, що я приведохме от греческаго языка на простый болгарский язык, що е сочинена от Павла Медика». (Пог. 1204, л. 78 об.).

⁷³ Это тем более любопытно, что во второй видинский сборник (гл. 17) и в «Гражданское позорище» Софроний вставляет абзацы, посвященные России.